

КАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1 9 6 1 ЛЕНИНГРАД

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы¹

Вопрос об авторстве того или иного произведения в древнерусской литературе гораздо сложнее, чем в литературе нового времени. Здесь много неясного в самой своей основе: что называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением, как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора, компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга, в какой мере показания идейного содержания и стиля могут считаться достоверными доказательствами принадлежности произведения тому или иному автору и т. д.

Прежде всего — что называть произведением в древней русской литературе, как отграничить одно произведение от другого и, следовательно, как разграничить работу авторов?

В решении этой проблемы есть специфические трудности. Многие из произведений древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции или литературные обработки предшествующих произведений. В составлении некоторых памятников древней русской литературы принимало участие много авторов, работавших разновременно, дополнявших и переделывавших работу своих предшественников.

Известно, что летописи представляют собой своды предшествующего летописного материала. Работа различных летописцев соединена в них не крупными кусками, а по большей части отдельными небольшими летописными статьями под каждым годом отдельно.

Работа по атрибуции отдельных летописных текстов связана поэтому прежде всего с работой по раслаиванию летописи и по ее хронологизации.

Точно такое же соединение многих мелких авторских текстов представляют собой хронографы, степенные книги, отчасти некоторые исторические повести и т. д.

Житие святого также представляет собой по большей части соединение работ многих авторов. Как правило, дополнительные части в житиях святого — рассказы о его посмертных чудесах — составлялись позднее и принадлежали различным авторам. Но и основной текст жития часто «украшен», составлен на основе первоначального, «неукрашенного», и частично сохраняет этот первоначальный текст.

Очень трудно, например, отделить работу Епифания Премудрого от работы Пахомия Серба в Житии Сергия Радонежского.² Даже в тех слу-

¹ В данной статье рассматриваются вопросы атрибуции только тех произведений, авторы которых были неизвестны. Вопросы установления авторства подделок в данной статье не рассматриваются, они должны составить предмет особой работы.

² В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 145—158.

чаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, представляется иногда нелегким отделить его самостоятельную, творческую работу от нетворческого включения заимствований из других памятников и обработки фольклорного или письменного материала.

Здесь мы подходим еще к одному сложному вопросу: как отделить работу автора от работы редактора. Дело в том, что один и тот же автор часто выступает при создании своего произведения и как автор — для тех частей произведения, которые он пишет самостоятельно, — и как редактор — для тех частей, где он только обрабатывает предшествующие источники. Так часто бывает в летописании и хронографии, но так же бывает и в других сочинениях, по преимуществу исторического характера. Вот почему исследователи древней русской литературы нередко вынуждены говорить не об авторах, а о древнерусских книжниках вообще или о компиляторах, сводчиках, летописцах и т. д., каждый раз применяя особый термин к тому роду работы, которая была выполнена по данному произведению. Понятие автора оказывается слишком общим и неточным в применении к большинству древнерусских произведений. Понятие «автор» даже в большей степени неопределенно, чем понятие «авторский текст».

Древняя русская литература в отношении к авторству своих произведений занимает промежуточное положение между коллективным народным творчеством и индивидуальным творчеством нового времени. Коллективное начало в ней очень сильно, текст произведений неустойчив, подвижен, а понятие авторской собственности весьма своеобразно.

Исследователь древней русской литературы, решая вопрос об авторстве, вынужден не отделять его от вопросов строения произведения, истории его создания, определения времени его возникновения в целом и в отдельных частях, от судьбы текста в последующее время, от вопроса о сохранности авторского текста и т. д. Определяя автора того или иного произведения, исследователь обязан точно оговаривать, в чем выразилось это авторство, где и в каких частях оно проявилось полностью, а где частично и т. д. Простая атрибуция произведения далеко не достаточна, — надо каждый раз конкретно определять не только автора, но и его авторскую работу.

Следовательно, применительно к древней русской литературе мы должны сказать, что вопрос об атрибуции произведения есть частный вопрос истории текста этого произведения. В дальнейшем мы продемонстрируем это положение на конкретных примерах.

*

История древней русской литературы знает очень много примеров недостаточно обоснованных атрибуций. Нередко болезненное стремление к значительным выводам и «открытиям» без уравнивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффектным выводам. Поскольку эффектные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, больше всего различного рода атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников. Кого только не предлагали, например, в авторы «Слова о полку Игореве»: Митусу, Беловолода Просовича, Кочкаря-милостника, Святослава Киевского,³ сына тысяцкого, самого князя Игоря и т. д.

³ С. Т а р а с о в. Возможный автор «Слова о полку Игореве». — Новый журнал, XXXIX. Нью-Йорк, 1954.

Особенно опасен путь, на который, к сожалению, очень часто становятся исследователи, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы. Так, например, Пахомию Сербу, известному автору середины XV в., приписывалось «Сказание о князьях Владимирских»,⁴ старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею, создателю известной теории «Москва — третий Рим», — Хронограф 1512 г.,⁵ Ивану Грозному — сочинения Ивана Пересветова⁶ и т. д. Как правило, чем известнее лицо, которому приписывается то или иное произведение, тем меньше приводится доказательств, тем более «общее» и неопределеннее соображения, по которым эта атрибуция производится.

Говоря о такого рода атрибуциях произведений какому-либо известному историческому лицу, Б. В. Томашевский остроумно замечает: «Иногда в основе такого приписывания лежит простое невежество и тяга к крупному имени. Оно отлично сформулировано Гоголем в „Записках сумасшедшего“ (запись 4 октября): „Дóма большею частью лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: «Душеньки часок не видя, Думал, год уже не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал». Должно быть, Пушкина сочинение“».

Очень часто исследователи, приписывающие то или иное произведение какому-либо известному автору, ограничиваются косвенными соображениями, не приводя решающих аргументов. Необходимо прямо сказать, что косвенные соображения, как много бы их ни было, не могут иметь полной силы, особенно если эти косвенные соображения в свою очередь опираются на гипотезы и косвенные соображения.⁸

Объединение авторов, которое, к сожалению, делается у нас очень часто, есть ни что иное, как обеднение литературы. Оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому.⁹

Но есть и другие причины, вызывающие обилие слабо обоснованных атрибуций. Одна из этих причин: отсутствие точного учета особых трудностей атрибуции в древнерусской литературе. Нередко приемы атрибуции, выработанные на материале новой русской литературы, механически применяются к древней.

*

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений легче всего установить, сравнив методы и приемы атрибуции произведений новой русской литературы и древней. При этом оказывается, что многое из того, что в новой русской литературе имеет силу

⁴ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 1—151. Возражения И. Н. Жданову см. в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских» (М.—Л., 1955).

⁵ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. Возражения А. А. Шахматову см. в книге Н. Н. Масленниковой «Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству» (Л., 1955, стр. 162—164).

⁶ И. И. Полосин. О челобитных Пересветова. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XXXV. М., 1946, стр. 25—55. Ср. также: С. Вилинский. Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова. — ЖМНП, 1908, сентябрь, стр. 185—192.

⁷ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2. М., 1959, стр. 190—191.

⁸ Ср., например, приписывание Жития Александра Невского и «Слова о погибели Русской земли» Даниилу Заточнику в статье Н. В. Водовозова «Повесть XIII века об Александре Невском» (Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII, Кафедра русской литературы, вып. 6. М., 1957).

⁹ Д. С. Лихачев. Реплики. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 500.

доказательства, к атрибуции древнерусских литературных произведений вообще неприменимо или применимо с большими ограничениями.

В статье Л. Д. Опульской «Документальные источники атрибуции литературных произведений»¹⁰ перечисляются данные, имеющие силу документального свидетельства о принадлежности произведения новой литературы тому или иному автору. Полезно привести эти данные и определить их применимость к произведениям древнерусской литературы.

Первое документальное свидетельство — это «полная подпись, а также подпись общеизвестным псевдонимом».¹¹ Подписи в древней Руси до XVII в. вообще не употреблялись. Надписывание же произведения в заглавии или в конечной приписке именем какого-либо книжника доказательной силы иметь не может, так как при этом, с одной стороны, не было, как мы уже отмечали выше, точного разграничения авторов, компиляторов, редакторов и переписчиков, а с другой стороны, произведение могло быть приписано известному писателю (русскому или нерусскому) для придания ему большей авторитетности.

Другим документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает составленные авторами списки собственных произведений.¹² Такого рода списки авторы древней Руси обычно не составляли.

Документальным свидетельством в новой литературе Л. Д. Опульская считает также «включение напечатанного некогда без подписи произведения в авторизованное издание избранных произведений или собрание сочинений»,¹³ а также в издания, которые осуществлялись лицами, близко знавшими автора и бывшими свидетелями его творчества. Это свидетельство также неприменимо к древней русской литературе. Не говоря уже о том, что в древней Руси не было ничего похожего на издания сочинений одного автора, не могло быть и авторизации произведений. Правда, в древней Руси известны подборки произведений одного автора, переписывавшихся из рукописи в рукопись как единое целое, и включение в эту подборку того или иного произведения составляет довольно сильное свидетельство в пользу принадлежности его тому же автору, что и соседние, но полной доказательности это включение все же не имеет. До нас дошли подборки сочинений Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Пахомия Сербя, Максима Грека, Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Ермолая Еразма, различных авторов (особенно часто проповедников), однако при отсутствии других данных (хотя бы косвенных) одно только включение в собрание сочинений не может быть убедительным, так как известны подборки, которые делались не только по признаку принадлежности произведений одному автору, но и по признаку их тематической близости. В подборку по признаку принадлежности сочинений одному автору какой-нибудь из переписчиков мог легко вставить то или иное заинтересовавшее его произведение, близкое по теме к остальным, которое затем последующими переписчиками закрепилось в этом своеобразном «собрании сочинений».

Следующие документальные свидетельства относительно авторской принадлежности произведений новой литературы, приводимые Л. Д. Опульской, вовсе неприменимы к литературе древнерусской: это сведения, почерпнутые в архивах редакций, конторских книгах, гонорар-

¹⁰ Вопросы текстологии. Сборник статей. Вып. 2. М., 1960.

¹¹ Там же, стр. 11.

¹² Там же, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 29.

ных ведомостях и счетах; сведения о круге сотрудников того или иного периодического издания, о времени их участия в нем.

Важным документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает «автопризнания и автоотрицания»,¹⁴ содержащиеся в автобиографиях, дневниках, письмах, мемуарах; носящие характер автопризнаний пометы печатных изданий и рукописных сборников и т. д. Нечто похожее мы можем встретить и в древней русской литературе, но в весьма ограниченных сравнительно с новой литературой масштабах. Иногда в своем точно установленном произведении автор ссылается на другое произведение как на принадлежащее ему же или наоборот: в произведении неатрибутированном дается ссылка на произведение атрибутированное как на принадлежащее ему же. Менее достоверны отсылки и признания в заголовочной части произведения: «Того же инока слово второе» или «Иное сказание того же писателя» и т. д. Меньшая достоверность такого рода ссылок объясняется тем, что заголовочные части произведений очень часто меняются переписчиками и компиляторами. Перед нами, следовательно, не «автопризнание», а мнение переписчика или компилятора — мнение, вызванное при этом иногда чисто случайными обстоятельствами, случайными его соображениями.

Одним из наиболее важных документальных свидетельств принадлежности тому или иному автору являются для новой литературы автографы.

«В ряду документальных источников, которые могут свидетельствовать об авторской принадлежности, — пишет Л. Д. Опульская, — первостепенная роль принадлежит рукописи. Рукопись, если она отражает результаты творческой работы, служит бесспорным свидетельством авторской принадлежности».¹⁵

Автографов от писателей древней Руси (до XVII в.) почти не сохранилось — их не берегли. Не сохранилось автографов даже Ивана Грозного или Нила Сорского. Случайно дошли незначительные автографы Пахомия Серба, Максима Грека и др. Следовательно, и это документальное свидетельство малоприменимо к древней русской литературе.

Гораздо применимее к древней русской литературе последняя группа «документальных свидетельств», приводимая Л. Д. Опульской: разнообразные фактические данные, содержащиеся в самих текстах анонимных произведений. «Автор сообщает, например, факты своей биографии или биографии близких ему лиц, называет другие свои произведения, приводит из них цитаты. В самом произведении удается иногда почерпнуть сведения о том, к какой эпохе и социальному кругу принадлежал автор, где или когда он родился, где бывал, с кем встречался, какие читал книги и пр.»¹⁶ Можно прямо сказать, что наиболее ответственная, первоочередная задача всякого исследователя древней русской литературы, занимающегося поисками автора произведения, заключается во внимательном чтении изучаемого произведения для выявления всей фактической стороны, которая могла бы свидетельствовать об авторе, его социальной принадлежности, времени его жизни, круге лиц, с ним связанных, его литературной эрудиции, стиле и языке его произведений и т. д. При этом надо учитывать не только те данные, которые свидетельствуют о том или ином возможном авторе, но и те, которые прямо или косвенно отводят авторство некоторых известных в истории литературы лиц. Последнее редко делается исследователем, между тем обязанность каждого исследователя, закончив доказательства любого выдвигаемого им положения, еще раз внимательным

¹⁴ Там же, стр. 19.

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 44.

образом проверить весь касающийся изучаемого им вопроса материал с той точки зрения, нет ли в этом материале чего-либо, что могло бы противоречить его выводу. Такого рода заключительной, контрольной проверки требует научная добросовестность исследователя. В большинстве случаев отсутствие такой контрольной проверки легко устанавливается.

Заканчивая вопрос о сравнении «документальных свидетельств» для атрибуции в древней русской литературе и в новой русской литературе, необходимо отметить, что свидетельств этих для древнерусской литературы значительно меньше. Каждое из свидетельств не может быть принято само по себе. Необходимо соотнести его со всеми другими данными. Это, собственно, касается и новой литературы, но особенно следует учитывать это правило специалисту по древней русской литературе. Вот почему, забегаая несколько вперед, скажем: установить принадлежность того или иного произведения древнерусскому автору мы можем только в результате работы над историей текста изучаемого произведения. Только убедительные свидетельства по истории текста могут быть и убедительными же свидетельствами в пользу той или иной атрибуции. Еще раз повторим: атрибутировать произведение, не зная истории его текста, в древнерусской литературе невозможно. В этом, как мы уже говорили, специфическая сторона проблемы атрибуции в исследованиях по древнерусской литературе.

*

Атрибуция древнерусских литературных произведений имеет свои специфические трудности.

Остановимся прежде всего на одном из самых важных для древней русской литературы вопросов атрибуции: как отличить переписчика от автора. Дело не только в том, что работа переписчика и работа автора часто переходят одна в другую, а и в том, что в приписках и записях не всегда понятно, идет ли речь о переписчике или об авторе произведения. Вот, например, известная запись игумена Сильвестра в Лаврентьевской летописи под 1110 г.: «Игумен Силвестр святаго Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже чтеть книги сия, то буди ми в молитвах».

На основании этой записи летописец начала XV в., составивший повесть о Едигее 1409 г.,¹⁷ считал Сильвестра автором Начальной русской летописи — «начальным летословцем Киевским» и называл его «великим». Впоследствии, в XIX в., Сильвестра считали то летописцем, то переписчиком «Повести временных лет» и только А. А. Шахматовым было установлено, что Сильвестр в основном был редактором «Повести временных лет» и автором некоторых ее заключительных частей. К этому выводу А. А. Шахматов пришел в результате полного изучения всей истории текста «Повести временных лет».

Любопытны расхождения, возникшие по вопросу о роли монаха Лаврентия, оставившего о себе заключительную приписку в рукописи Лаврентьевской летописи: «Радуется купецъ, прикуп створив, и кормьчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед, тако ж радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый недостойный и многогрешный раб божий Лаврентей мних. Начал есм писати книги

¹⁷ Повесть эта читается под 1409 г. в Симеоновской летописи, Рогожском летописце и Никоновской летописи.

сия, глаголемый Летописецъ месяца генваря в 14 на память святых отецъ наших авва в Синаи и в Раифе избьеных князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священнаго епископа Дионисья. И кончал есм месяца марта в 20 на память святых отецъ наших, иже в монастыри святаго Савы избьеных от срацин, в лето 6885 (1337, — Д. Л.), при благоверном и христоролюбивом князи великом Дмитрии Костянтиновичи и при епископе нашем христоролюбивем священном Дионисье Суждальском и Новгородском и Городском. И ныне господа отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или не дописал, чтите исправливая бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел. Слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны Христос бог наш сын бога живаго, ему же слава и держава и честь и поклонянье со Отцом и с Святым духом. И ныне и присно в веки, аминь».¹⁸

М. Д. Приселков на основании изучения состава Лаврентьевской летописи, привлекая к этому изучению несколько десятков родственных летописных списков, приходит к выводу, что Лаврентий механически переписывал «ветшаный» тверской летописец 1305 г. — и только. В противоположность М. Д. Приселкову В. Л. Комарович на основании не менее тщательного изучения Лаврентьевского списка и родственных летописей приходит к выводу, что Лаврентий был самостоятельным летописцем, менявшим текст предшествующей летописи и внесшим в нее свою историческую концепцию. Лаврентий пропустил в своей летописи обличение в небратолюбии рязанских князей — обличение, которое острием своим было направлено против Юрия Всеволодовича Владимирского, вставил под 1239 г. похвалу Юрию, убрал все то, что представляло его в невыгодном свете; вместе с тем Лаврентий упомянул в своей похвале Юрию нижегородский Благовещенский монастырь, постриженником которого Лаврентий был.

Это особое отношение нижегородца Лаврентия, монаха нижегородского Благовещенского монастыря, к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу В. Л. Комарович объясняет тем, что Юрий Всеволодович был основателем Нижнего Новгорода и Благовещенского монастыря. Лаврентий составлял свою летопись по инициативе нижегородского архиепископа Дионисия в связи с учреждением им второго на Руси архиепископства в Нижнем Новгороде.¹⁹ Следовательно, для В. Л. Комаровича Лаврентий не переписчик, а летописец, внесший в свою летопись довольно определенные взгляды на историю Нижнего Новгорода и Владимирского княжества.

Таким образом, для установления авторства в ряде случаев необходимо восстанавливать историю текста произведения и точно определять характер и объем работы предполагаемого автора.

Даже, казалось бы, совершенно точные указания автора произведения в его заголовке должны быть принимаемы с большой осторожностью. В самом деле, бывают случаи, когда одно и то же произведение приписывается в разных списках различным авторам. Так, распространенное проложное Сказание о князе Михаиле Черниговском из пергаменного пролога XIV—XV вв. Публичной библиотеки в Ленинграде (Соф. 1365/578) имеет следующий заголовок: «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго, и Феодора воеводы первого в княжении его. Сложено въ кратце на похвалу святома отцемъ

¹⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1927, столб. 487—488.

¹⁹ См. раздел «Лаврентьевская летопись» в книге «История русской литературы» (т. II, ч. 1, М.—Л., 1945, стр. 90—96).

А н д р е е м». ²⁰ Почти тот же текст в рукописи А. С. Уварова конца XIV в. (№ 613, ГИМ) и некоторых других имеет другое указание в заглавии: «Сотворено Иоанном епископом». ²¹ Если бы не было этого случайного разноречия списков, распространенная редакция проложного Сказания о Михаиле Черниговском, а может быть, и все Житие Михаила Черниговского могло бы быть приписано исследователями либо попу Андрею, либо черниговскому епископу Иоанну.

*

В подавляющем большинстве случаев, как мы уже отметили, русские литературные произведения вплоть до самого XVII в. не подписывались именем автора. Исключение по большей части составляли церковно-учительные произведения: здесь имя автора увеличивало авторитет поучения, слова, послания. В этого рода произведениях мы наблюдали обратное стремление: выставлять имя какого-либо церковно-авторитетного лица в качестве автора анонимного произведения. Так, очень многие русские поучения были приписаны Иоанну Златоусту.

Приписывание произведений какому-либо известному и авторитетному автору могло происходить и сознательно и «бессознательно». В первом случае писец допускал сознательную фальсификацию, а в последнем случае писец был внутренне убежден в правильности своей атрибуции. Приведем примеры последнего. Древняя русская письменность знает немало авторов Кириллов: ²² Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Кирилл-Константин Философ, Кирилл Туровский, Кирилл епископ Ростовский (XIII в.), два Кирилла митрополита Киевских, Кирилл Белозерский и др. В тех случаях, когда в заголовке произведения оно присваивалось просто «Кириллу» без дальнейшей детализации, переписчик рукописи мог произвольно добавить к имени автора уточняющее определение или прозвище, приписав переписываемое произведение наиболее знакомому ему или наиболее авторитетному из известных ему Кириллов. Так, к имени Кирилла очень часто добавлялось уточнение — «Философа» или «Туровского». Поучения с именем Феодосия приписываются обычно Феодосию Печерскому XI в. Послание Иакова Мниха князю Дмитрию приписывалось Иакову Мниху XI в., хотя вероятнее всего этот Иаков Мних был писателем XIII в. Произведение Дмитрия Грека приписывалось более известному Дмитрию Герасимову. Игумену Даниилу Паломнику приписывались многие паломничества. И так далее. Возможность такого рода «уточнений», а вернее, смешений одноименных авторов должна постоянно учитываться исследователями.

Иногда имя автора появлялось в заглавии произведения в результате ошибки писца или неправильного осмысления непонятого. В сборнике Уварова № 1244(863) XVII в. в заглавии Жития Варлаама Хутынского читаем: «сотворено Пахомием Сербиным тара ермонахом Святыя горы». К этому непонятому «тара», получившемуся из греческого «таха» (τάχα), ²³ другой писец добавил «сием» и тем создал нового автора — Тарасия». ²⁴

²⁰ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). СПб., 1915, Приложения, стр. 55.

²¹ Там же, стр. 59.

²² См.: Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. XLII, 1887, № 3, стр. 1—33.

²³ τάχα μόχακος — недостойный монах. Объяснение этого выражения и краткую историю вопроса см. у Гр. Дьяченко: Полный церковнославянский словарь. М., 1899.

²⁴ Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893, стр. 487. Пример взят мною из рукописных материалов В. Н. Перетца.

Тарасий был знакомым лицом для древнерусского писца. В русской письменности было широко распространено связывавшееся с тем же Хутыньским монастырем «Видение хутынского пономаря Тарасия».

В. Н. Перетц указывает такой случай приписывания анонимного произведения известному и авторитетному автору. В сборнике Библиотеки Академии наук СССР № 21. 9.33 конца XVIII в. имеется статья (лл. 289—306 об.) «От послания ко Антиоху князю вопрос 41». Речь в этом сочинении идет о восьмиконечном кресте и об отступлениях от православия «великороссийской церкви», о чем, конечно, не мог писать Афанасий Александрийский (IV в. н. э.), которому это сочинение приписывается. Вопрос действительно заимствован у этого писателя, но ответ распространен так, что подлинный ответ Афанасия Александрийского в нем только цитируется.²⁵ Следовательно, в данном случае не произведение приписывается известному автору, а основная мысль этого произведения. Перед нами не фальсификация, а своеобразное средневековое представление об авторстве.

Очевидно, неясным представлением о писателе и о переписчике и неточным разграничением их труда объясняется и то обстоятельство, что общеизвестные сочинения в некоторых рукописях приписываются неизвестным авторам. Так, Житие Марии Египетской, сочиненное константинопольским патриархом Софронием, в рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде XVI в. (F. I. 915) приписано некоему «Ефросину старцу» («списано бысть Ефросином старцем», л. 232 об.).²⁶

Приведенные примеры показывают, с какой осторожностью следует относиться ко всякого рода указаниям авторов, находимым в некоторых рукописях. Вот почему мы не должны торопиться приписывать «Степенную книгу царского родословия» митрополиту Афанасию, Повести о Николае Зараском попу Евстафию второму и т. д. на том преимущественно основании, что эти лица в некоторых списках названы в заголовках произведений.

*

Чрезвычайно большой интерес представляют случаи, когда автор, писец или редактор хотя и не называют себя по имени, но все же говорят о себе в первом лице. Такие высказывания о себе встречаются и в летописании, и в житийной литературе, и в повестях, но чаще всего они проникают в учительную литературу. По этим записям, даже если автор их и не называет себя по имени, мы все же можем о нем кое-что узнать: присутствовал ли он при том или ином событии, каково его личное отношение к описываемому, иногда мы узнаем о его социальном положении, о его местожительстве и т. д. Так или иначе, но мы получаем в руки нить, по которой можем иногда разыскать автора. Это исходные данные. Однако из-за сводного (компилятивного) характера многих древнерусских литературных произведений нередко бывает трудно решить, какая часть произведения принадлежит лицу, заявившему о себе в исследуемом произведении: является ли он автором всего произведения или только его части, был ли он автором или редактором, на каком этапе жизни памятника он внес свои заметки о себе и т. д.

Так, например, в своде Повестей о Николае Зараском есть прямое авторское указание: «Сие написа Еустафей вторый Еустафьев сын Корсунскова на память последнему роду своему» или «Сия бо написа пра-

²⁵ В. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 352. Пример этот взят мною из рукописных заметок В. Н. Перетца.

²⁶ Указание в рукописных материалах В. Н. Перетца.

внук Еустафиев на память роду своему. Аминь».²⁷ Даже если мы вполне доверимся правдивости этой записи, то что́ следует понимать под этим «сие» или «сия»: только ли статью о роде служителей Николы Заразского, или и Повесть о перенесении образа Николы Заразского из Корсуня, или еще «Повесть о разорении Рязани Батыем», а может быть, еще и рассказы о чудесах от иконы Николы Заразского? На этот вопрос может ответить только обстоятельное изучение всего цикла Повестей о Николе Заразском.

Другой пример. В Новгородской IV летописи в различных списках есть несколько записей о себе некоего Матвея Михайлова. Под 1375 г. летописец поместил заметку о своем рождении,²⁸ под 1382 г. — о смерти своего отца,²⁹ под 1405 г. — о смерти своей матери,³⁰ под 1406 г. — о своем браке,³¹ под 1411 г. — о рождении у него сына.³² Не представляет сомнения, что перед нами семейные записи, сделанные самим Матвеем Михайловым. Однако трудно решить, какую работу проделал Матвей Михайлов: составил ли он только данные приписки к летописи, которые потом были внесены в текст переписчиком, или он был летописцем, а если это так, то какая часть летописи ему принадлежит, и т. д. Исследуя этот вопрос, А. А. Шахматов обратил внимание на то обстоятельство, что вторая из этих приписок повторена под 1382 г. два раза: сперва — в начале года, перед Повестью о пленении и приходе Тохтамыша царя и о Московском взятии, а затем — в конце года, за этой Повестью. Как устанавливает А. А. Шахматов, вставка Повести была сделана не составителем Новгородской IV летописи, а раньше — в ее главном источнике. Ясно, что запись о смерти отца Матвея Михайлова была уже в источнике Новгородской IV, так как дублировки этого рода получают именно в результате вставок нового материала. Переписывая свой источник, летописец произвел вставку, а затем продолжил копирование, но случайно частично повторил уже переписанный текст. Это соображение А. А. Шахматова убедительно, но вот дальнейшее его предположение, что Матвей Михайлов был составителем свода 1448 г.³³ (впоследствии эту гипотетически восстанавливаемую им летопись А. А. Шахматов называл сводом 30-х годов XV в.)³⁴ малоубедительно. Еще менее убедительно произвольное отождествление им Матвея Михайлова с Матвеем Кусовым — уставщиком новгородского владычного двора, имя которого дошло до нас в нескольких записях на рукописях, восходящих к первой четверти XV в.

Найти автора того или иного произведения помогает совпадение в точности излагаемых фактов с данными биографии того или иного лица. Так, например, в тексте «Повести временных лет» начиная с 1061 г. появляются точные датировки текущих событий. Летописец не только указывает год того или иного исторического факта, но, кроме того, месяц и день. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что записи с точными датировками отмечают первоначально события в Киеве (1061—1063 гг.), затем

²⁷ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 302.

²⁸ «Родися Матфей Михайлов» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись, вып. 1. Пгр., 1915, стр. 300).

²⁹ «Преставися Михаило, отецъ Матфеев» (там же, вып. 2. Л., 1925, стр. 326).

³⁰ «Преставися Федосна Матфеева месяца мая 18» (там же, стр. 397).

³¹ «Брак бысть Матфею Михаилову маия в 23» (там же, стр. 399).

³² «Родися Матфею сын Кюприян» (там же, стр. 411).

³³ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 155—156.

³⁴ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 года. — Сб. «А. А. Шахматов». М.—Л., 1947, стр. 135 и сл.

подробно же сообщают о событиях в далекой Тмуторокани (1064—1066 гг.), оттуда снова переносятся на Русь (под 1067 г. отмечены события в Полоцке) и в 1068 г. уже определенно ведутся в Киеве. Такого рода переход точных летописных записей из Киева в Тмуторокань, а затем снова в Киев должен быть с несомненностью связан с единственными в своем роде событиями, происшедшими в важнейшем летописном центре XI в. — Киево-Печерском монастыре. Из Жития Феодосия, составленного в конце XI в., мы узнаем, что монах Киево-Печерского монастыря Никон, по прозванию «Великий» (прозвище это тоже в своем роде замечательно), в начале февраля того самого 1061 г., на котором обрываются точные датировки киевских событий и начинаются точные датировки событий в Тмуторокани, бежал из Киева в Тмуторокань от гнева киевского князя Изяслава. В Тмуторокани Никон принимал активное участие в политической жизни и пробыл на черноморском побережье до февраля 1066 г., — Никон, следовательно, пробыл в Тмуторокани как раз те годы, в течение которых летопись точно датирует события в Тмуторокани и не знает точных дат для событий, происходивших на Руси. Затем, по поручению жителей Тмуторокани, Никон отправился в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него его сына Глеба на тмутороканское княжение. Святослава Никон не застал и дожидался его возвращения из похода на Всеслава Полоцкого (ср. точную датировку полоцких событий под 1067 г.); а затем, в 1068 г., водворился в Киеве.

Конечно, это только одно соображение, заставившее виднейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова приписать участие в летописании этих лет Никону Великому. Других соображений А. А. Шахматова (идейных, стилистических и пр.) мы сейчас не касаемся.

Гипотеза А. А. Шахматова об участии Никона в киевском летописании была расширена еще одной гипотезой относительно того, кто такой этот Никон. Это гипотеза М. Д. Приселкова. Она не столь убедительна, как гипотеза А. А. Шахматова, но общность некоторых приемов заставляет нас вспомнить и о ней. Гипотеза М. Д. Приселкова предполагает в Никоне первого киевского митрополита из русских — Илариона, автора знаменитого «Слова о законе и благодати». Помимо идейной близости двух этих деятелей русского просвещения, М. Д. Приселков обратил внимание на то обстоятельство, что сведения об Иларионе, с именем которого была связана одна из пещер Киево-Печерского монастыря, где он жил, обрываются как раз на том годе, на котором появляются сведения о жизни в этой пещере Илариона-Никона. М. Д. Приселков предполагает, что смещенный с митрополичьей кафедры Иларион принужден был скрываться в монастыре. Он принял схиму как раз в день памяти Никона, чьим именем по обычаю того времени он и назвался (в Киевской Руси при принятии монашества или, в дальнейшем, схимы существовал обычай принимать новое имя не на ту же начальную букву, как это практиковалось впоследствии, а имя того святого, чья память праздновать в день монашеского пострига или в день принятия схимы). Вот почему впоследствии пребывание Илариона-Никона в Киево-Печерском монастыре вызывало постоянное неудовольствие киевского митрополита-грека и князя.³⁵ Но здесь мы уже от вопросов текстологии уклоняемся в область чистой истории и биографии Илариона-Никона. Такое уклонение, кстати, характерно: оно лишь раз напоминает нам о том, что область текстологии связана со многими науками и многими сторонами жизни.

³⁵ Подробнее аргументацию по этому вопросу см. в книге М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913, стр. 181—184) и в его же книге «Нестор-летописец» (Пгр., 1923, стр. 22).

Иногда указания на принадлежность тому же автору других сочинений имеются в самих сочинениях. Так, например, ростовский агиограф XIV в., написавший Повесть о Петре царевиче Ордынском, оставил в Повести указание на то, что ему же принадлежит и Житие епископа Игнатия. В других случаях авторы заявляют о своем намерении в другом месте написать о том или ином событии или лице. Такое указание имеется, например, в Житии Сергия Радонежского (автор обещает рассказать об одном из учеников Сергия особо). Автор Волоколамского патерика Досифей Топорков ссылается на свое Надгробное слово Иосифу Волоцкому. Важно отметить, что эти непритязательные указания на авторство бывают в целом более достоверны, чем официальные приписывания произведения в заголовках. Чем менее официально свидетельство об авторе, тем оно достовернее.

*

Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору, редактору или переписчику извлекается из тайнописных записей. Мне неизвестно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными. Объясняется это, как мне кажется, тем обстоятельством, что тайнописных записей об авторе не делали переписчики или их редакторы. Тайнописью запечатлевали свои имена только сами авторы или те, кто считали себя причастными к авторству (поэтому-то в тайнописи встречаются указания на русских авторов и редакторов, но нет указаний на переводных авторов). Делалось это из скромности. Очевидно, две тенденции боролись в составителях тайнописных записей: желание запечатлеть свое имя как автора или редактора и переписчика и сознание нескромности этого желания. Именно этой борьбой и вызывалось, очевидно, это типично средневековое явление — тайнописные записи о себе древнерусских писателей. Как бы то ни было, психологическая борьба эта могла быть только у лиц, прямо причастных к созданию произведения или рукописи, и поэтому мы можем доверять этим записям.³⁶

Своеобразный вид тайнописи представляют собой акростиhi. Акростиhi были известны еще греческим авторам служб и канонов. В этих акростиhi они оставляли признаки своего авторства. Но особенно распространились на Руси акростиhi в XVII и XVIII вв., с развитием стихотворства, с одной стороны, и барочной модой на всякого рода замысловатые и фигурные стихи — с другой. Особенно интересен случай, обнаруженный известным исследователем рукописных песенников XVII и XVIII вв. — А. В. Позднеевым, со стихотворцем Германом. Здесь в акростиhi оказалось записанным не только имя стихотворца, но и некоторые данные его биографии.³⁷ А. В. Позднеев пишет: «Акростиhi образуется из начальных букв каждого столбца, читаемых или сверху вниз, или слева направо. Число акростихов в песне может быть: а) один, б) два (в этом случае первый читается в верхних строках столбцов сверху вниз, а второй — в нижних — слева направо) и в) даже, изредка, — три».³⁸

³⁶ Обзор различных систем тайнописи и способов их расшифровки не входит в нашу задачу. О тайнописи см.: П. А. Лавровский. Старорусское тайнописание. — «Древности». Труды Московского археологического общества, т. 3. М., 1873; М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4/3. Л., 1929.

³⁷ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 15—18.

³⁸ Там же, стр. 3.

В своих акростихах Герман называет себя чернецом, монахом, иеромонахом, уставщиком и типикарем (т. е. регентом хора), строителем (т. е. заведующим хозяйством монастыря) — соответственно постепенному повышению своего положения. В стихе же «Память предложити смерти» Герман во втором акростихе сообщает о себе и такое сведение: «Маия месяца болезнен».

Как бы ни была убедительна атрибуция произведения по тайнописи, она не снимает необходимости опереться на историю текста, ибо характер работы автора, редактора или переписчика, объем произведения, вид его и прочее все равно требуют своего установления, без чего невозможна атрибуция. Только тогда, когда мы переходим к произведениям нового времени с их стабильным текстом и четкими представлениями об авторстве, возможна «чистая атрибуция». К таким произведениям со стабильным текстом относятся стихотворения. Вот почему атрибуция по акростихам нетипична для древней русской литературы.

*

Определению авторства помогает установление соответствий — идеологических, стилистических, языковых — между уже известными произведениями автора и исследуемым.

В данных случаях, как и во многих других, надо переходить от известного к неизвестному. Изучив идеологию автора, его взгляды по частным и общим вопросам, его стиль и прочее в подлинных сочинениях, филолог переходит затем к произведениям, в отношении которых имеются сомнения, и изучает соответствия последних первым.

Правда, не следует очень увлекаться этими соответствиями. Известны случаи, когда именно соответствия являются противопоказаниями для приписывания того или иного сочинения определенному автору. Известно, например, что диалоги «Минос» и «Гиппарх», приписываемые Платону, имеют многочисленные совпадения с достоверными сочинениями Платона. Иногда эти диалоги производят впечатление компиляций из других сочинений Платона. Но именно это говорит против принадлежности их Платону. Характер творчества Платона, никогда не повторявшего самого себя, не позволяет приписать их ему. Еще меньше следует увлекаться механическим приведением соответствий в изучении древнерусской литературы. Древнерусские авторы как раз любили повторять самих себя, но они же не стеснялись безо всяких ограничений пользоваться материалами других авторов. Следовательно, поиски соответствий в целях атрибуции должны быть ограничены. Они не должны вестись механически. И в этом вопросе, как и во всех других вопросах текстологии, нужно следовать не правилам, а жизни, видеть за явлениями текста действительность, живое, конкретное творчество.

Атрибуция по основаниям идеологических соответствий никогда не бывает особенно прочной. Не говоря уже о том, что может быть довольно много авторов, разделяющих одинаковые убеждения (особенно убеждения классовые), самое единство идеологии нескольких сходных или различных по темам произведений доказать бывает довольно трудно. Для этого необходимо глубокое изучение идеологий данной эпохи и во всех их тонких различиях. Тождество идеологий может быть установлено только при наличии глубоко разработанной истории идеологий.

Так, например, А. А. Шахматов приписал Хронограф 1512 г. авторству псковского старца Филофея. Н. Н. Масленникова на основании подробного анализа идеологической борьбы в псковской литературе конца

XV—начала XVI в. обоснованно отвергает эту атрибуцию. Н. Н. Масленникова указывает на существенные различия в воззрениях между автором Хронографа 1512 г. и старцем Филофеем. Так, автор Хронографа 1512 г. считает, что Константинополь пал от завоевания турок, но что он останется центром православия. «Филофей же, — пишет Н. Н. Масленникова, — считает причиной падения Константинополя как центра православия более страшное событие, чем завоевание турками, — соединение „с латынею на осмом соборе“». ³⁹ Филофей не мог говорить о сохранении «неврежени» патриаршего престола и о том, что престол остается главою православной веры.

Во-вторых, автор повести говорит, что так как престолы остались невредимы, то «православнии же от сего надежу имеют, яко по доволнем наказании нашего согрешения паки всесильный господь погребеную, яко в пепле, искру благочестия в тме злочестивых властей вождет зело и попадит измаилт злочестивых царства, якоже терние, и просветит свет благочестия и паки возставит благочестие и царя православныа». ⁴⁰ У автора есть надежда, что Константинополь — Новый Рим возродится и царь константинопольский будет царем православным. У Филофея же на такое возрождение надежд нет. Второй Рим пал окончательно, «греческое царство разорися и не созиждется». ⁴¹ На смену ему приходит новый, третий Рим. Автор Хронографа считает, что православие восстановится, хотя, по его мнению, только русское царство и сохранило верность православию: «наша же Росиска земля божией милостию и молитвами пречистыя богородица и всех святых чудотворецъ растет и младеет и возвышается». ⁴² Можно думать, что автор надеется на возрождение византийского православия через русское царство. Но это не так. Для возрождения православия нужно победить турок, а русским это нужно не было. Восстановление православия у автора Хронографа произойдет в будущем, а Филофей уже в это время считал русского царя главой всех православных. У автора нет еще представления о Москве как о третьем Риме, но есть представление о единстве Русской земли, о ее величии, могуществе и вера в великое будущее Русской земли: «ей же, Христе милостивый, дажь расть и младети и расширятся и до скончания века ⁴³». ⁴⁴

Итак, между автором Хронографа 1512 г. и Филофеем наблюдаются значительные идейные расхождения. Ясно, что говорить о принадлежности Хронографа 1512 г. Филофею только на основании идеологического сходства не приходится. Это тем более сомнительно, что, как показывает Н. Н. Масленникова, во Пскове были и другие близкие к Филофею, но тем не менее не тождественные с ним в идеологическом отношении писатели. В частности, Н. Н. Масленникова указывает на Хронографическую Толковую Палею с ее яркой общерусской идеологической окраской. ⁴⁵

Ошибка А. А. Шахматова в атрибуции Хронографа 1512 г. по идеологическим признакам заключалась в том, что взгляды Филофея и автора Хронографа 1512 г. он проанализировал недостаточно глубоко, не установил различий наряду с сходством и не принял во внимание всей идеологи-

³⁹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 63.

⁴⁰ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 439.

⁴¹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей. . . , Приложения, стр. 41.

⁴² ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 439—440.

⁴³ Там же, стр. 440.

⁴⁴ Н. Н. М а с л е н н и к о в а. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства.— ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 200—202.

⁴⁵ Там же, стр. 202.

ческой борьбы во Пскове, всех развивавшихся во Пскове этого времени идеологических течений.

В отношении атрибуции произведений древнерусской литературы на основе анализа идейного содержания можно сказать то же, что и в отношении произведений новой русской литературы: «Задачу атрибуции на основе идейного анализа нельзя ограничивать только установлением факта совпадения каких-либо идей и мыслей. Любой жанр литературных произведений представляет собой комплекс взаимообусловленных мыслей, положений, оценок, выражающих в совокупности какую-либо основную идею. Взаимообусловленность тем и идей литературно-критической статьи не позволяет рассматривать каждую ее мысль оторванно, без учета ее связи с другими мыслями и ее места во всем идейном комплексе. Одна или даже несколько мыслей, выхваченных из общей системы мировоззрения неизвестного автора, несмотря на сходство с мыслями какого-либо известного писателя, далеко не всегда могут дать основания для положительных решений. Наличие одинаковых мыслей, одних и тех же идей, не говоря уже о сходстве частных суждений и оценок у разных авторов, — явление вполне закономерное и часто встречающееся. Поэтому сопоставлению идей анонимного и известных произведений предполагаемого автора должен предшествовать глубокий объективный анализ их ведущих, определяющих тенденций, который будет служить основой для дальнейших сравнений. Порой даже весьма близкое, а иногда и текстуальное сходство отдельных мыслей не может свидетельствовать о принадлежности их одному и тому же автору, так как при более внимательном рассмотрении этих мыслей и идей в сопоставлении с ведущей тенденцией содержащих их произведений может выявиться глубокая принципиальная разница в их конкретном понимании и использовании».⁴⁶

Для древнерусской литературы, где индивидуальность автора выражена слабее, чем в литературе нового времени, особенно важным представляется изучение идеологии автора в тесной связи с историей общественной мысли в целом. Идеология автора непременно требует, чтобы она была проанализирована на фоне всей идеологической жизни своего времени, чтобы были выяснены все существовавшие близкие течения со всеми их оттенками. Тождество устанавливается только на основе исключения всех прочих возможных близких авторов с принятием во внимание всех оттенков идеологии. Оттенки идеологии в вопросе атрибуции иногда даже важнее, чем основные признаки идеологии. На это, казалось бы, парадоксальное явление следует обратить особое внимание.

*

В какой мере при определении автора произведения могут быть приняты во внимание индивидуальные особенности стиля? И в этой области вопрос гораздо более сложен, чем в литературе нового времени.

По поводу атрибуции текстов нового времени по стилистическим основаниям В. В. Виноградов пишет: «Самое основное, сложное и трудное в этом методе атрибуции — исторически оправданное, стилистически направленное и филологически целесообразное применение принципа избирательности характеристических речевых примет индивидуального стиля».⁴⁷ И далее: «Метод узнавания автора текста по характеристическим

⁴⁶ Э. Л. Ефременко. Раскрытие авторства на основе анализа идейного содержания произведения. — Вопросы текстологии, вып. 2. М., 1960, стр. 64.

⁴⁷ В. В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста. — Вопросы языкознания, 1958, № 2, стр. 21.

приметам его стиля требует точного отграничения индивидуально-типических примет от того, что имеет более широкое употребление в литературном обиходе того времени».⁴⁸

Между тем в пределах до XVII в. индивидуальные особенности стиля сказываются значительно слабее, чем в литературе нового времени. Происходит это не только потому, что тексты в древнерусской литературе очень подвижны и «чистый авторский текст» доступен исследователю древней русской литературы только в редких случаях, но и потому еще, что авторское начало вообще слабее сказывается в древней литературе, чем в новой. Здесь сильнее дают себя знать воля заказчика произведения, требования жанра и в особенности требования литературного этикета. Так, например, произведения одного и того же автора, но написанные в разных жанрах, могут отстоять друг от друга по особенностям стиля гораздо больше, чем произведения разных авторов, но написанные в одном жанре.

Влияние литературного этикета сказывается в том, о чем пишет автор. Летописец меняет манеру своего изложения в зависимости от того, говорит ли он о князе или о епископе, рассказывает ли он о битве или о жизни святого, дает ли он посмертную характеристику князю или составляет обычную годовую статью с краткими записями об основных событиях года. В некоторых случаях он пишет на церковнославянском языке, в других прибегает к языку русской деловой прозы и т. д. В меньшей мере, но те же колебания в манере изложения встречаем мы у агиографа и проповедника, паломника и составителя исторической повести.⁴⁹

Тем не менее индивидуальные особенности стиля могут быть выделены не только у автора, но и у редактора произведения. Правда, выделяя эти индивидуальные особенности, необходимо быть чрезвычайно осторожным. Так, например, М. Д. Приселков, как мне представляется, весьма удачно определил характер стилистической обработки предшествующего летописного материала у сводчика 1212 г. «Сводчик 1212 г. несомненно принадлежал к числу реформаторов языка летописания, — пишет М. Д. Приселков. — Он ставил своею целью дать читателю, вместо древнего и уже невразумительного своею лексикою и фразеологиею текста, текст современный и удобопонятный. Его подновления для нас любопытны, потому что своею ошибочностью показывают нам, что подновляемые слова давно уже ушли из современного сводчику 1212 г. литературного и разговорного языка. Так, например, слово „корста“ (гроб) он заменил в одном случае словом „рака“ (под 1015 г.), так как для него из контекста было ясно, что разумелось вместилище для трупа, а в другом случае (под 1093 г.) — словом „крест“, так как рассказ не давал ему возможности точно понять из изложения смысл этого слова. Так, сводчику 1212 г. было непонятно слово „товар“ в значении „обоз“, „лагерь“, так что в рассказе о том, что князь послал глашатаев „по товаром“, он заменил слово „по товаром“ словом „по товарищи“, что для данного места в общем не исказило смысла повествования. Но его подновления для нас любопытны и в тех случаях, когда сводчик 1212 г. знает еще значение старого слова. Заменяя современным словом такое устаревшее, но еще понятное слово, он дает нам историю слов. Так, слово „ложница“ (в 1175 г.) он заменяет словом „постельница“; „прабошни черевы“ — „боты“ (1074 г.); „протоптаный“ — „утлый“ (1074 г.); „набдя“ — „кормя“ (1093 г.); „доспел“ — „готов“ (992 г.); „уста“ — „преста“ (1026 г.); „детеск“ — „мал“; „детишь“ — „отроча“; „исполнить“ — „исправить“; „крънеть“ — „купить“; „клю-

⁴⁸ Там же, стр. 24.

⁴⁹ См. нашу статью в настоящем томе (стр. 6 и сл.).

чится" — „прилучится“; „полк“ — „вой“; „комони“ — „кони“; „ра-
тяться“ — „сразиться“, „развращен“ — „розно“; „ядь“ — „снеть“;
„уверни“ — „възврати“; „похорнить“ — „погрести“; „двое чади“ —
„двое детей“ и др.».⁵⁰

Однако тот же М. Д. Приселков принял за индивидуальную манеру составителя семейной хроники Ростиславичей — игумена Моисея то, что по существу являлось только трафаретом литературного этикета в применении к умершему князю. М. Д. Приселков пишет: «Проглядывая текст киевского свода 1200 г., мы невольно останавливаемся на частом применении к случаям упоминаний смерти того или иного князя приписки элегического тона, как напр.: „и приложися к отцам, отдав обьщий долг, его же несть убежати всякому роженому“ (1172 г.) или „и приложися к отцемь своим и дедом своим, отдав обьщий долг, его же несть убежати всякому роженому“ (1179 г.). Такие же приписки идут и дальше: под 1180 и под 1198 гг. Поскольку все эти приписки связаны с упоминанием смертей братьев Рюрика (под 1172 г. — Святослава; под 1179 г. — Мстислава; под 1180 г. — Романа; под 1198 г. — Давыда), т. е. относятся к семейной хронике Ростиславичей, они могут свидетельствовать только о том едином авторе, который писал эту хронику и которого мы определили как составителя всей летописной сводной работы 1200 г., т. е. Моисея».⁵¹

Все построение М. Д. Приселкова рухнет как только мы убедимся в том, что те же выражения применены в Ипатьевской летописи и после 1200 г., например под 1289 г. в некрологической статье о Владимире Васильковиче Волынском. Литературный трафарет был принят М. Д. Приселковым за черту индивидуального стиля!

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений по их стилю и вместе с тем вся важность стилистического анализа для их атрибуции могут быть продемонстрированы на примере с сочинениями Ивана Грозного. С именем Ивана Грозного дошло до нас довольно много различных произведений — литературных и деловых (речи, молитвы, послания, грамоты и т. д.). Но какие из них написаны самим царем, а какие написаны его подчиненными от его имени? Какие из них дошли до нас полностью, а какие только в изложении? Вот перед нами богомольная грамота в Троицкий монастырь, написанная в 1562 г. по случаю войны с Крымом и Польшею. Царь просит в ней молитвы о его «великих беззакониях» ввиду наступления врагов. Или вот другое его письмо — к шведскому королю Эрику 1563 г. Принадлежат ли они действительно Грозному или Грозный только «велел их отписать»?

Решающим в этом вопросе может явиться только анализ стиля. Послания Ивана Грозного, написанные лично им, резко нарушают условные правила дипломатической переписки, они содержат вызывающие насмешки, иронические и колкие замечания и т. д. Эти специфические особенности стиля произведений Грозного отмечал уже Карамзин: «В слоге его есть живость, в диалектике — сила».⁵²

Вот что пишет Я. С. Лурье о стилистических признаках авторства Грозного: «Главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно

⁵⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 86.

⁵¹ Там же, стр. 48.

⁵² Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 149.

своеобразный литературный стиль этих произведений. Уже писатели начала XVI в. ввели в русскую литературу приемы острой публицистической полемике; в творчестве Ивана Грозного эти приемы достигли особого развития. Живой спор с противником, обильные риторические вопросы по его адресу, издевательское пародирование аргументов оппонента („кто же убо желает такова ефиопска лица видети?“ — в послании Курбскому) и вместе с тем нередкие обращения к его рассудку („ты бы сам по себе порассудил“) — эти особенности проходят через все изданные нами послания Ивана IV; характерны они и для многих посланий, которые до сих пор издавались лишь как дипломатические документы.⁵³ Устные основы писательской манеры царя сказываются в большом количестве простонародных, „грубых“ выражений („ты, взяв собачей рот, хочеш на посмех лаяти“ — в послании Иоганну III), в своеобразном синтаксисе, при котором одно предложение вклинивается внутрь другого, образуя как бы замечание в скобках („и ты там сам спрося уведай!“, „и нам того как утаити!“).⁵⁴ И что особенно важно, перечисленные особенности обнаруживаются в посланиях Ивана IV начиная с 50-х годов (ср. послание Сигизмунду-Августу февраля 1558 г.) и кончая последними годами его жизни (послание Баторию 1581 г. и др.). А между тем мы не могли бы назвать ни одного близкого к Грозному человека, который сохранил бы милость царя в течение всего этого срока. Адашев умер в опале в 1561 г.; Висковатый был казнен в 1570 г. Сподвижники Грозного в последние годы его жизни, Бельский, Годунов, — люди по преимуществу „неписьменные“, деловые политики. Нет ни одного человека, чью образованность и специфический литературный стиль историк мог бы „выдать за образованность самого Ивана IV“». ⁵⁵

Замечательно, однако, и что в этом, казалось бы, ясном случае стилистических соображений недостаточно: нужны еще доказательства, что этими стилистическими особенностями не владел никто, кроме самого Грозного.

В самом деле, если мы захотим точнее определить особенности стиля Грозного, мы встретимся с затруднениями: индивидуальные особенности стиля Грозного пробиваются сквозь условности литературных произведений древней Руси, меняющейся от темы к теме. Эту же неустойчивость стиля Грозного отмечал и один из наиболее тонких ценителей — А. С. Орлов. Говоря о первом послании Грозного Курбскому, А. С. Орлов замечает: «Письмо Ивана Васильевича разнохарактерно по стилю: то оно важно и скорбно, то иронично и раздражительно до мелочей; сообразно с этим менялся и язык, проходя всю гамму — от парадной славянщины до московского просторечия». ⁵⁶ В сноске к этому месту своего курса А. С. Орлов обращает внимание на то, что «Курбский отметил эту смену тонов в ответе на второе послание царя: „ово преизлишне уничижаешися, ово прсизобильне и паче меры возносишися“». ⁵⁷

⁵³ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 27, 57, 156, 215, 219, 224, 225 и др. Ср. дипломатические послания: Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб., 1887, стр. 539; т. 71, СПб., 1892, стр. 55—63, 170—173, 354—362, 442—446, 673; т. 129, СПб., 1910, стр. 216—218, 259—264 и др.

⁵⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 152, 160, 193, ср. стр. 276.

⁵⁵ Я. С. Лурье. Был ли Иван IV писателем? — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1959, стр. 506.

⁵⁶ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв., изд. 2. М.—Л., 1939, стр. 284—285.

⁵⁷ Там же, стр. 285.

Отсюда ясно, что исследование индивидуального стиля древнерусских авторов трудно не только вследствие неустойчивости текста, его постоянных переделок и изменений переписчиками-редакторами, но и в силу переменчивости этого стиля в зависимости от смены тематики.

Надо, впрочем, сказать, что индивидуальные особенности стиля достовернее в тех случаях, когда они бессознательны, явились не преднамеренно, а в результате привычки. Древнерусский книжник не стесняется заимствовать стилистические обороты, образы, целые куски у своих предшественников. Он может усвоить чужую манеру изложения (в той же мере, в какой переписчик иногда усваивал почерк оригинала). Однако это усвоение по большей части является следствием его сознательных стремлений сделать свое произведение лучше, красивее, «ученее». Вот почему нужно с большой осторожностью относиться ко всем особенностям стиля, которые могли явиться плодом сознательных усилий автора. А вот привычка к отдельным словам, оборотам, не имеющим особой художественной или идейной силы, гораздо показательнее. И это чрезвычайно важно. По подсчету слов, по исчислению коэффициента употребляемости того или иного оборота речи в будущем можно будет математически обосновывать принадлежность того или иного произведения определенному автору. Но вопрос этот сложный и потребует в каждом отдельном случае отделения намеренных элементов языка и стиля произведения от ненамеренных.

То, что было сказано о преимуществах подсознательных особенностей стиля перед сознательными, приводит нас к выводу об исключительной роли исследования именно языка произведения. По наличию диалектизмов можно определять происхождение автора из той или иной местности. Ошибки в языке могут привести к определению национальности автора и т. д. Изучение данных языка помогло установить ряд переводов, принадлежавших болгарским первоучителям.⁵⁸ Исключительный интерес представляют собой соображения А. А. Шахматова, касающиеся определения автора Русского Хронографа.⁵⁹

А. А. Шахматов доказывает, что Русский Хронограф был составлен сербом в России. Помимо соображений, касающихся содержания Русского Хронографа, в котором органически слиты статьи русского и сербского происхождения, А. А. Шахматов приводит и доказательства лингвистического характера. В Хронографе имеется ряд сербизмов, при этом не только в статьях, посвященных мировой истории, но и в русских по своему происхождению. Так, Корсунь названа в Хронографе по-сербски — Херсонь или Херсунь (редакция 1512 г.), русские князья Святослав и Святосполк названы, согласно сербскому произношению этих имен, Цветослав, Цветосполк, «бык» заменен сербским словом «юнец», вместо «были» («а москвичи были под Вязмою») сказано «били», вместо «плоть» — «путь» и т. д. Но самое интересное, что наряду с сербизмами Русский Хронограф включает в себе и антисербизмы, т. е. неправильные попытки избавиться от сербизмов — попытки, которые могли принадлежать только сербу, плохо знавшему русский язык, но стремившемуся писать по-русски. А. А. Шахматов пишет: «Кроме сербизмов, в обилии встречающихся на всем протяжении Хронографа по спискам редакции 1512 года, внимание наше останавливают некоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогией замену

⁵⁸ См. об этом: А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. 1. Паримийный текст. Варшава, 1912, стр. 16.

⁵⁹ А. А. Шахматов. 1) К вопросу о происхождении Хронографа. — СОРЯС, т. LXVI, 1899, № 8; 2) Пахомий Логофет и Хронограф. — ЖМНП, 1899, январь, стр. 200—207

того или другого сербского звука русским. Так, напр., русскому *ол* соответствует в живом сербском произношении *у* (волк — вук, полн — пун); этим объясняется появление в Хронографе *ол* вм. *у* и там, где сербскому *у* соответствует в русском языке *у*. Так, форма *молчаше*, читаемая в списке Погод. № 1404а (список без всякого сомнения русский) вм. *мучаше*, восходит, думаю, к первоначальной редакции Хронографа.⁶⁰ Далее А. А. Шахматов приводит и другой антисербизм: «благооболчен» вместо «благообучен». А. А. Шахматов пишет: «Появление антисербизма, как *молчаше* вм. *мучаше*, может быть обязано только сербу и притом сербу, или списывавшему русский подлинник, или писавшему в России: читая *ол* русских книг как *у*, он, не справляясь с действительным русским произношением, мог писать *ол* и там, где русские произносили *у*».⁶¹

Установив принадлежность Русского Хронографа сербу, писавшему в России, А. А. Шахматов далее, на основании анализа принадлежащей Пахомию Сербу и находящейся в Хронографе «Повести об убиении Батия» и ее связей с остальным текстом Хронографа, приходит к выводу, что Русский Хронограф был составлен именно Пахომием Сербом. Окончательно убеждает А. А. Шахматова в том, что составителем Русского Хронографа был Пахомий Серб, то обстоятельство, что в некоторых других рукописях, принадлежащих перу Пахомия, мы встречаемся с точно такими же сербизмами и антисербизмами, как и в Русском Хронографе.⁶²

Мы можем сказать прямо, что данные языка древнерусских произведений (если только их строго отделять от данных стиля) представляют очень важный материал для суждения о происхождении автора. Исследование этих данных облегчается тем обстоятельством, что в древней Руси не было устойчивой орфографии и устойчивых требований литературной речи и поэтому природный язык автора не ограничивался в той же мере обязательными нормами, как в языке авторов нового времени. Новгородизмы и псковизмы, окание и акание, отдельные областные слова проникли в древнерусскую письменность довольно свободно, позволяя тем самым легко определять областное происхождение автора. Дело затрудняется только тем обстоятельством, что язык переписчика или редактора проникает в произведение с такой же легкостью, с какой в ней сказывается и язык автора.

Поэтому чрезвычайно важно выявить все признаки, по которым мы можем отделить языковые особенности переписчика или редактора, проникшие в произведение, от языковых особенностей авторского текста. Само собой разумеется, что лексика будет меняться переписчиком реже, чем редактором, и что лексические данные поэтому будут наиболее показательными для языка автора в отличие от языка переписчика или редактора. Но в целом надежно помочь в этом отделении языка переписчиков и редакторов от языка автора смогут только исследование языка в всех списках и установление истории текста произведения. Следовательно, и в этом вопросе история текста играет решающую роль.

Механические приемы выделения авторского языка, путем ли отбрасывания индивидуальных чтений или подсчета большинства чтений, здесь не годятся, как они не годятся и в других случаях.

Особое значение для определения писца, которым может иногда оказаться и сам автор, или для определения переписчика, который может быть и редактором произведения (с этими возможностями надо всегда

⁶⁰ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 77—78.

⁶¹ Там же, стр. 78.

⁶² Там же, стр. 80.

считаться), имеют ошибки и описки. Для каждого писца характерны свои типы ошибок, пропусков, неграмотностей. Один писец делает по преимуществу слуховые ошибки, другой — зрительные (это зависит от типа памяти; при переписывании или писании писец запоминает определенные куски текста). Отдельные ошибки свойственны старикам, другие — молодым. Есть типы ошибок, вызванные психическими травмами, другие являются следствием недостаточности общего развития, неосведомленности писца и т. д.

Изучая типы ошибок, можно установить общего переписчика для ряда рукописей или для их протографов. К сожалению, изучение психологии ошибок у нас не ведется, а это было бы чрезвычайно важно для установления авторов, писцов и переписчиков.

*

Существенное значение в определении авторства следует придавать совпадению показаний разнородного характера. Если к установлению авторства приводит группа разнородных признаков, например основанных на анализе языка и стиля, идейного содержания, на косвенных указаниях в тексте самого произведения и в документах эпохи, на анализе почерка, то доказательность атрибуции значительно повышается. Мы могли бы сравнить атрибуцию по разнородным признакам с определением точки в пространстве по нескольким координатам.

Блестящий пример отождествления трех авторов на основании нескольких разнородных признаков представляет собой фундаментальная работа И. Денисова о Максиме Греке.⁶³

До 1943 г. о жизни Максима Грека в Италии и на Афоне было известно лишь из случайных упоминаний о ней самого Максима Грека в его сочинениях. Имя Максима Грека, которое он носил в Италии и у себя на родине, было неизвестно. И. Денисов обстоятельно доказал, что Максим Грек — это итальянский гуманист Михаил Триволис и афонский монах Максим Триволис. Тем самым сочинения Максима Грека оказались пополненными рядом его произведений, относящихся к итальянскому и афонскому периодам его жизни: четыре письма Михаила Триволиса, написанные из Мирандолы, два письма Михаила Триволиса, написанные из Флоренции, эпитафия Иоакиму I, патриарху Константинопольскому, эпиграмма, посвященная Великому Ритору Мануилу, три эпитафии Нифонту II, патриарху Константинопольскому, и канон Иоанну Крестителю.

Светское имя Максима Грека — Михаил Триволис и афонское — Максим Триволис установлено И. Денисовым следующими путями. Прежде всего он сопоставляет данные о Максиме Греке, известные из русских источников, с данными о Михаиле Триволисе, открытыми им в архивах и источниках Италии и Афона.

Из русских источников известно, что Максим родился в городе Арта в Эпире и что имя его отца было Мануил. О Михаиле Триволисе на основании архивных источников И. Денисов установил, что отец его был Эммануил, родом из города Арта.

Из русских сочинений Максима Грека известно его описание монастыря св. Марка и монашеской жизни доминиканцев. О Михаиле Триволисе известно, что он был пострижен в монахи, а затем отказался от монашеской жизни.

⁶³ Elie Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris, 1943.

А. Курбский упоминает о том, что Максим Грек был учеником гуманиста Иоанна Ласкариса. В Национальной библиотеке в Париже имеется составленный Михаилом Триволисом список греческого сочинения «Геопоники» с надписью Михаила Триволиса, что список этот изготовлен им для Ласкариса.

Из сочинений Максима Грека известно, что он пробыл на Афоне приблизительно с 1505—1506 до 1516 г. Именно к этому времени относятся и афонские стихи Максима Триволиса.

Знаменательно, что сведения о Михаиле Триволисе в Италии исчезают как раз с того времени, когда на Афоне появляются документы о Максиме Триволисе, а этот последний исчезает на Афоне как раз тогда, когда в Москве появляется Максим Грек.

Мы привели лишь главнейшие совпадения. Все данные о Максиме Греке, Максиме Триволисе и Михаиле Триволисе сведены И. Денисовым в таблицу. Слева он помещает сведения из русских источников о греко-итальяно-афонском периоде жизни Максима Грека, а справа помещает сведения о Михаиле Триволисе и Максиме Триволисе. В большинстве сведений обе колонки согласуются, и нет ни одного факта противоречия в источниках.

Окончательно устанавливается тождество Михаила Триволиса, Максима Триволиса и Максима Грека путем сопоставления почерков автографов всех трех. Одно сличение почерков или одно сопоставление биографических данных не могло бы дать таких достоверных доказательств, как совпадение показаний разнородного материала.

В качестве примера удачной атрибуции по встречающимся в произведении разнородным данным об авторе может служить работа Н. С. Сарафановой «Неизданное сочинение протопопа Аввакума». ⁶⁴ Речь идет о сочинении, названном П. С. Смирновым «Посланием трем неизвестным». ⁶⁵

Н. С. Сарафанова приписывает это «Послание» Аввакуму по следующим основаниям: «Как явствует из первых же строк „Послания“, автор, ревностный защитник старообрядчества, пишет его, находясь „в Пустозерье“, а в свое время он был и „во странах сибирских от врага патриарха“, только „лет 15“ минуло, как его „из Даур привезоша“. Раньше церковные власти „многия“ были автору „друзья духовные“, он был близок с Ртищевыми, и царь его „зело милосердовал“, особенно „добра была царица Марья“. Но автор „звратил бранью их“, и „его сюды послали“. Боярыню Морозову он называет своей „духовной дочерью“. «Во всех этих фактах, сообщаемых автором, — добавляет Н. С. Сарафанова, — нельзя не узнать судьбы протопопа Аввакума». ⁶⁶ Анализ идейного содержания и стиля «Послания» полностью подтверждает вывод об авторстве Аввакума.

Другим образцом точной атрибуции по разнородным данным может служить определение А. А. Шахматовым автора «Сказания о градех» с описанием города Египта, т. е. Каира. В специальном исследовании, посвященном этому вопросу, ⁶⁷ А. А. Шахматов обращает внимание на следующие обстоятельства. Во встретившемся ему списке (БАН 399) в заголовке произведения имеется дата: «Лета 7001 сказание о градех». Затем,

⁶⁴ ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 257—269.

⁶⁵ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. (Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1). — РИБ, т. 39. Л., 1927, стр. LXXX—LXXXII.

⁶⁶ ТОДРА, т. XVI, стр. 258.

⁶⁷ А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — ИОРЯС, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 200—222.

«Сказание» несомненно составлено русским: дворец египетского султана сравнивается по размерам с московским кремлем («с Москву с кремль»). В конце «Сказания» назван человек, рассказы которого послужили материалом для «Сказания»: это казначей великого князя Михаил Григорьев, ездивший послом в Египет. На этом основании А. А. Шахматов предположил, что автором данного произведения и двух других связанных с ним по содержанию и стилю — «Описание Царьграда» и «Царства Цареградского устав чином» — является дьяк Михаил Григорьев Мисюрь Мунехин. Прозвище Мисюрь могло быть дано Мунехину по его поездке в Египет (древнее название Египта было Мисюрь). Однако дальнейшее изучение списков показало, что в других списках «Сказания о градах» вместо «Григорьев» читается «Гиреев» и даже «Георгиев», а датировка произведения другая — 1522 г. Окончательное решение вопроса об авторстве этого «Сказания» смогло быть сделано только после того, как А. А. Шахматов разбил списки на редакции, выяснил старшинство и взаимоотношение редакций, палеографически объяснил дату 7030 как ошибочную из 7001 («а» было принято за «л» — обычная ошибка в древнерусских цифрах), выяснил происхождение прозвища дьяка Мунехина, установил основные факты его служебной карьеры, сопоставил данные «Сказания» с историческими данными (в частности, было установлено, что «Сказание» повествует о Египте еще до подчинения египетского султана туркам, т. е. до 1517 г.). Только подробное исследование всей истории текста «Сказания» с привлечением данных истории текста связанных с ним произведений, данных биографических и исторических позволило А. А. Шахматову окончательно решить вопрос об авторстве «Сказания». Правда, некоторые данные по истории текста «Сказания» подверглись впоследствии обоснованному сомнению (принадлежность Хронографа редакции 1512 г. старцу Елеазарова монастыря Филофею),⁶⁸ однако в целом атрибуция А. А. Шахматова оказалась прочно аргументированной.

Итак, и на этом примере видно, что окончательную атрибуцию произведения может дать только полная история текста произведения. Как бы убедительны ни были отдельные соображения и отдельные данные, если не выяснены тексты всех редакций, не учтены разночтения в местах, служащих для обоснования атрибуции, не прояснен вопрос о границах произведения, не установлена дата произведения и т. д., — никакая атрибуция не может считаться убедительной.

*

При определении авторства в древнерусской литературе в тех случаях, когда нельзя точно найти автора, большое значение имеет ограничение того круга, из которого мог выйти автор: ограничения хронологические, территориальные, социальные и т. д. По существу, здесь атрибуция произведения переходит в его непосредственное историко-литературное изучение, и нет смысла поэтому этот вопрос о частичной атрибуции в данной работе рассматривать во всей его полноте. Мне хочется, однако, остановиться на одном способе частичной атрибуции, который очень часто применяется исследователями древнерусской литературы, но включает в себе существенные опасности. Способ этот основывается на использовании того типа доказательства, который принято называть *argumentum ex silentio*.

В самом деле, в поисках автора исследователи очень часто прибегают к выявлению того круга явлений, о которых произведение умалчивает.

⁶⁸ См. об этом выше, стр. 30.

Эти умолчания иногда и в самом деле помогают сузить круг возможных авторов, точнее определить автора во времени, в социальной сфере и географических пределах, но пользоваться ими нужно с очень большой осторожностью. Так, например, В. Мансикка в своем исследовании Жития Александра Невского отмечает, что автор его не был ни новгородцем, ни псковичем: «Легко доказать, что автор не был новгородский или псковский житель, — пишет В. Мансикка. — В его рассказе нет таких подробностей, которые известны местным новгородским и псковским летописям и которые предполагают знакомство с местной традицией или обнаруживают пристрастие к местным интересам. Нет, например, упоминания о свадьбе князя, нет известий о его ссоре с новгородцами, о его походе на Емскую землю, о татарских численниках и т. д. Рассказ о взятии немцами Пскова и о построении города „во отечестве Александрове“, т. е. Копорьи, отличается крайней голословностью, между тем как местные летописи могли бы сообщить автору Жития кое-какие подробности. Местные летописи перечисляют народы, которые принимали участие в первом походе против Александра и упоминают о шведском князе, его епископах и воеводе Спиридоне; автор же Жития говорит довольно глухо о „римлянах“ и о „короле“ их. Летописец выводит Александра против неприятеля вместе с новгородцами и ладожанами, называет число и месяц, когда была знаменитая „сеча свеем“, 15 июля, и перечисляет по имени убитых новгородцев, которых вместе с ладожанами не оказалось больше двадцати; биограф же Александра заставляет своего героя выступать без новгородцев, с немногочисленной княжеской дружиной, определяет время воскресеньем, днем памяти таких-то святых, и об убитых не говорит ни слова. Подробности, касающиеся битвы на Чудском озере и приведенные в летописи: обозначение числа, 5 апреля, местностей и количества немецких потерь, не говоря о подробностях самого боя, в Житии совершенно опущены».⁶⁹

Я привел это место из исследования В. Мансикки, так как аргументация его в пользу того, что составитель Жития Александра Невского не был ни новгородцем, ни псковичем, считается исследователями в общем приемлемой. Однако она же отчетливо выявляет всю слабость такого рода рассуждений. В. Мансикка сравнивает летописи и Житие и отмечает то, что отсутствует в Житии сравнительно с летописью, но совершенно не учитывает различия в жанрах и в задачах произведений. Все то, что отсутствует в Житии, могло отсутствовать в нем и в том случае, если бы автор его был новгородцем и псковичем, — единственно вследствие жанровых особенностей Жития, не допускающих излишней детализации и конкретизации изображения.

На этом примере видно, что пользоваться умолчанием автора о каких-то современных ему событиях надо с большой осторожностью. Нельзя во всяком случае не учитывать возможности других объяснений авторского умолчания.

*

Итак, определяя автора того или иного произведения, нужно проделывать почти всю работу, связанную с историко-литературным изучением. Необходимо знать историю текста произведения, его литературные традиции, его эпоху и т. д. На всех стадиях этого историко-литературного изучения произведения могут явиться счастливые находки, которые дадут

⁶⁹ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, стр. 15—16.

возможность установить его автора. Нет, следовательно, такой стадии изучения памятника, на которой мы могли бы сложить оружие и заявить: автор его найден быть не может.

Но если брать вопрос в целом, то можно сказать, что есть отдельные стороны в изучаемом памятнике, которые чаще всего способствуют открытию автора. Надо в первую очередь внимательно изучить все высказывания автора произведения о самом себе, сделаны ли они в третьем лице или в первом. Надо обращать внимание на хронологию произведения и на место его возникновения, на идеологию (по преимуществу на оттенки), на стиль, на язык, ловить писателя на таких высказываниях, которые могли бы быть сделаны в специфических условиях, которые могли принадлежать не всякому. Обнаружить такие данные об авторе — дело внимания, таланта исследователя и, несомненно, счастливого случая. Но ни в коем случае нельзя ограничивать установление авторства только одним каким-нибудь рядом аргументов: палеографических, языковых, биографических, идеологических и т. п. Взаимодействие различных методов атрибуции — необходимое условие ее достоверности.

Если данные об авторе нашлись, необходимо точно определить, в чем состояла его работа, не смешать автора с переписчиком или редактором, определить границы того произведения, которое он создал.

В этих последних задачах состоят специфические трудности атрибуции в изучении древней русской литературы. Атрибуция тесно связана со всеми видами историко-литературного исследования памятника.

Как в искусствоведении при определении художника наиболее показательные детали извлекаются из второстепенных деталей живописи (например из приемов, которыми написано ухо), так и в определении автора произведения очень часто важны специфические частности. Так например, при атрибуции по идеологическим соображениям решающее значение имеет иногда не основная мысль (общая ряду авторов в силу отражения в ней идеологии класса или какой-то группы людей), а оттенки мысли, детали — все то, что индивидуально для данного автора.

«Официальные» данные об авторе (в названии произведения) менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые; преднамеренные указания менее достоверны, чем непреднамеренные и, казалось бы, «случайные»; явления языка дают больше иногда, чем явления стиля и т. д. Одним словом, очень часто второстепенное оказывается для атрибуции первостепенным, а первостепенное второстепенным. Атрибуция имеет свой выбор фактов.

Такого рода преимущество деталей в атрибуции перед общим заставляет быть исследователя весьма осторожным и с особым вниманием следить за согласованностью различных показаний.

В древней русской литературе почти во всех случаях дело обстоит таким образом, что полную уверенность в точной атрибуции памятника мы можем получить только в результате полного его историко-литературного изучения. При этом атрибуция памятника есть только один из моментов исследования истории его текста. В обосновании этой мысли состояла главная задача данной работы.